
Л. П. СТАНКЕВИЧ, И. П. ПОЛЯКОВА

ФЕНОМЕН ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И ЦЕЛОСТНОСТЬ

Проблема повседневной жизни человека зародилась еще в древности – собственно, тогда, когда человек совершал первые попытки осознать себя и свое место в окружающем мире.

Однако представления о повседневной жизни в период античности и Средневековья носили преимущественно мифологическую и религиозную окраску.

Так, повседневность античного человека пропитана мифологией, а мифология в свою очередь наделена многими чертами повседневной жизни людей. Боги – усовершенствованные люди, живущие теми же страстями, только наделенные большими способностями и возможностями. Боги легко вступают в контакт с людьми, а люди в случае необходимости обращаются к богам. Хорошие дела вознаграждаются тут же, на земле, а плохие поступки незамедлительно караются. Вера в воздаяние и страх наказания формируют мистичность сознания и соответственно повседневного существования человека, проявляющуюся как в элементарных ритуалах, так и в специфике восприятия и осмысления окружающего мира.

Можно утверждать, что повседневное бытие античного человека двуедино: оно мыслимо и эмпирически постигаемо, то есть происходит разделение бытия на мир чувственно-эмпирический и мир идеальный – мир идей. Преобладание той или иной мировоззренческой установки оказывало существенное влияние на образ жизни человека античности. Повседневность только начинает рассматриваться как область проявления способностей и возможностей человека.

Она мыслится как существование, ориентированное на самоусовершенствование личности, подразумевающее гармоничное развитие физических, интеллектуальных и духовных возможностей. При этом материальной стороне жизни отводится второстепенное место. Одной из высших ценностей эпохи античности вы-

ступает умеренность, которая проявляется в достаточно скромном образе жизни.

При этом повседневная жизнь личности не мыслится вне социума и практически полностью определяется им. Знание и выполнение своих гражданских обязанностей имеет первостепенное значение для полисного гражданина.

Мистический характер повседневности античного человека вкупе с пониманием человеком своего единства с окружающим миром, природой и Космосом делает повседневность античного человека в достаточной мере упорядоченной, давая ему чувство защищенности и уверенности.

В эпоху Средневековья мир видится через призму Бога, и доминирующим моментом жизни становится религиозность, проявляющаяся во всех сферах жизнедеятельности человека. Это обуславливает формирование своеобразного мировосприятия, при котором повседневность предстает как цепь религиозного опыта человека, при этом осуществляется вплетение религиозных обрядов, заповедей, канонов в образ жизни личности. Весь спектр эмоций и чувств человека носит религиозную окраску (вера в Бога, любовь к Богу, надежда на спасение, страх гнева Божьего, ненависть к дьяволу-искусителю и т. д.).

Жизнь земная насыщается духовным содержанием, благодаря чему происходит слияние духовного и чувственно-эмпирического бытия. Жизнь провоцирует человека на совершение греховных поступков, «подбрасывая» ему всевозможные искушения, но она же и дает возможность искупить свои грехи нравственными деяниями.

В эпоху Возрождения представления о назначении человека, о его образе жизни претерпевают существенные изменения. В этот период и человек, и его повседневная жизнь предстают в новом свете. Человек представляется как творческая личность, сотворец Бога, который способен изменить себя и свою жизнь, который в меньшей степени стал зависеть от внешних обстоятельств, а гораздо более – от собственного потенциала.

Сам термин «повседневность» появляется в эпоху Нового времени благодаря М. Монтеню, который им обозначает заурядные, стандартные, удобные для человека моменты существования, повторяющиеся в каждый миг житейского спектакля. По его справедливому замечанию, повседневные неприятности никогда не бывают мелкими. Воля к жизни является основой мудрости. Жизнь нам дана как нечто такое, что не зависит от нас. Останавливаться на

отрицательных ее аспектах (смерти, скорбях, болезнях) – значит подавлять и отрицать жизнь. Мудрец должен стремиться подавлять и отклонять любые аргументы против жизни и должен говорить безусловное «да» жизни и всему тому, в чем состоит жизнь, – скорби, болезни и смерти.

В XIX в. от попытки рационального осмысления повседневности переходят к рассмотрению ее иррациональной составляющей: страхов, надежд, глубинных потребностей человека. Страдания человека, согласно С. Кьеркегору, коренятся в постоянном страхе, который преследует его в каждый момент его жизни. Того, кто погряз в грехе, страшит возможное наказание, освободившегося от греха гложет страх нового грехопадения. Тем не менее, человек сам выбирает свое бытие.

Мрачный, пессимистический взгляд на жизнь человека представлен в трудах А. Шопенгауэра. Суть бытия человека – воля, слепой натиск, возбуждающий и раскрывающий универсум. Человеком движет ненасытная жажда, сопровождаемая постоянной тревогой, нуждой и страданием. По мнению Шопенгауэра, из семи дней недели шесть мы страдаем и вождедем, а на седьмой помираем от скуки. Кроме того, человека характеризует узость восприятия им окружающего мира. Он отмечает, что человеку свойственно проникать за границы мироздания.

В XX в. главным объектом научного познания становится сам человек в его уникальности и неповторимости. На противоречивость и неоднозначность человеческой природы указывают В. Дильтей, М. Хайдеггер, Н. А. Бердяев и др.

В этот период на первый план выдвигается «онтологическая» проблематика жизнеосуществления человека, а феноменологический метод становится особой «призмой», с помощью которой осуществляется видение, осмысление и познание действительности, в том числе и социальной.

В философии жизни (А. Бергсон, В. Дильтей, Г. Зиммель) делается акцент на нерациональных структурах сознания в жизнедеятельности человека, учитываются его природа, инстинкты, то есть человеку возвращается его право на спонтанность и естественность. Так, А. Бергсон пишет, что из всех вещей мы больше всего уверены и лучше всего знаем наше собственное существование.

В работах Г. Зиммеля наблюдается негативная оценка повседневности. У него рутина повседневности противопоставляется приключению как периоду наивысшего напряжения сил и остроты

переживания, момент приключения существует как бы независимо от повседневности, это отдельный фрагмент пространства – времени, где действуют иные законы и критерии оценки¹.

Обращение к повседневности как к самостоятельной проблеме было осуществлено Э. Гуссерлем в рамках феноменологии. Для него жизненный, повседневный мир становится универсумом смыслов. Повседневный мир обладает внутренней упорядоченностью, ему присущ своеобразный когнитивный смысл. Благодаря Э. Гуссерлю повседневность обрела в глазах философов статус самостоятельной реальности, имеющей фундаментальное значение. Повседневность Э. Гуссерля отличает простота понимания того, что ему «видимо». Все люди исходят из естественной установки, объединяющей предметы и явления, вещи и живые существа, факторы социально-исторического характера. Основываясь на естественной установке, человек воспринимает мир как единственно подлинную реальность. Вся повседневная жизнь людей базируется на естественной установке. Жизненный мир является данным непосредственно. Это сфера, известная всем. Жизненный мир всегда относится к субъекту. Это его собственный повседневный мир. Он субъективен и представлен в виде практических целей, жизненной практики.

Большой вклад в исследование проблем повседневности внес М. Хайдеггер. Он уже категорически отделяет научное бытие от повседневного. Повседневность представляет собой вненаучное пространство собственного существования. Повседневная жизнь человека наполнена хлопотами по поводу воспроизведения себя в мире в качестве живущего существа, а не мыслящего. Мир повседневности требует неустанного повторения необходимых забот (М. Хайдеггер называл это недостойным уровнем существования), которые подавляют творческие порывы личности. Хайдеггеровская повседневность представляется в виде следующих модусов: «болтовня», «двусмысленность», «любопытство», «озабоченное устроение» и т. п. Так, например, «болтовня» представлена в виде пустой беспочвенной речи. Эти модусы далеки от подлинного человеческого, и потому повседневность носит несколько негативный характер, а повседневный мир в целом предстает как мир неподлинности, беспочвенности, потерянности и публичности. Хайдеггер отмечает, что человека постоянно сопровождает озабоченность настоящим, которая превращает человеческую жизнь в боязливые

¹ Зиммель, Г. Избранные труды. – М., 2006.

хлопоты, в прозябание повседневности. Эта забота нацелена на наличные предметы, на преобразование мира. По мнению М. Хайдеггера, человек пытается отказать от своей свободы, стать как все, что приводит к усреднению индивидуальности. Человек уже не принадлежит себе, другие отняли у него бытие. Однако, несмотря на эти негативные аспекты повседневности, человек постоянно стремится удержаться в наличном, избежать смерти. Он отказывается видеть смерть в своей повседневной жизни, загораясь от нее самой жизнью².

Подобный подход усугубляется и развивается прагматистами (Ч. Пирс, У. Джемс), по мнению которых сознание есть опыт пребывания человека в мире. Большинство практических дел людей направлено на извлечение личной пользы. По У. Джемсу, повседневность выражается в элементах жизненной прагматики индивида.

В инструментализме Д. Дьюи концепция опыта, природы и экзистенции далеко не идиллична. Мир нестабилен, а экзистенция рискованна и неустойчива. Действия живых существ непредсказуемы, а потому от любого человека требуется максимум ответственности и напряжения духовных и интеллектуальных сил.

Психоанализ также уделяет достаточное внимание проблемам повседневного. Так, З. Фрейд пишет о неврозах повседневной жизни, то есть факторах, их вызывающих. Подавленные в силу социальных норм сексуальность и агрессия приводят человека к неврозам, которые в повседневной жизни проявляются в виде навязчивых действий, понятных только самому человеку ритуалах, оговорках, описках, сновидениях. З. Фрейд называл это «психопатологией обыденной жизни». Чем сильнее человек вынужден подавлять свои желания, тем больше приемов защиты он использует в обыденной жизни. Фрейд относит вытеснение, проекцию, замещение, рационализацию, реактивное образование, регрессию, сублимацию, отрицание к способам, с помощью которых можно погасить нервное напряжение. Культура, по мнению Фрейда, многое дала человеку, но забрала у него самое главное – возможность удовлетворять свои потребности³.

По мнению А. Адлера, жизнь невозможно представить себе без непрерывного движения в направлении роста и развития. Стиль жизни человека включает в себя уникальное соединение черт, спо-

² Хайдеггер, М. *Время и бытие: Статьи и выступления.* – М., 1993.

³ Фрейд, З. *Психопатология обыденной жизни.* – М., 2006.

собов поведения, привычек, которые, взятые в совокупности, определяют неповторимую картину существования человека. С точки зрения Адлера, стиль жизни прочно закрепляется в возрасте четырех-пяти лет и впоследствии почти не поддается тотальным изменениям. Этот стиль становится главным стержнем поведения в будущем. От него зависит, каким сторонам жизни мы будем уделять внимание, а какие будем игнорировать. В конечном счете только сам человек ответственен за свой стиль жизни.

В рамках постмодернизма было показано, что жизнь современного человека не стала стабильнее и надежнее. В этот период стало особенно заметным то, что деятельность человека осуществляется не столько на основе принципа целесообразности, сколько на случайности целесообразных реакций в контексте конкретных изменений. В рамках постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Батай) отстаивается мнение о правомерности рассмотрения повседневности с любой позиции для получения полноты картины. Повседневность не является предметом философского анализа данного направления, ухватывая лишь отдельные моменты бытия человека. Мозаичный характер картины повседневности в постмодернизме свидетельствует о равноценности самых разнообразных феноменов человеческого существования. Поведение человека во многом определяется функцией потребления. При этом не потребности человека являются основанием для производства товара, а, напротив, машина производства и потребления производит потребности. Вне системы обмена и потребления нет ни субъекта, ни объектов. Язык вещей классифицирует мир еще до его представления в обыденном языке, парадигматизация объектов задает парадигму коммуникации, взаимодействие на рынке служит базовой матрицей языкового взаимодействия. Не существует индивидуальных потребностей и желаний, желания производятся. Вседоступность и вседозволенность притупляют ощущения, и человеку остается только воспроизводить идеалы, ценности и т. д., делая вид, что этого еще не было.

Тем не менее, есть и положительные моменты. Человек постмодернизма ориентирован на коммуникацию и целеполагающую устремленность, то есть основной задачей человека постмодерна, находящегося в хаотичном нецелесообразном, порой опасном мире, является необходимость во что бы то ни стало раскрыть себя.

Экзистенциалисты считают, что проблемы рождаются в ходе повседневной жизни каждой личности. Повседневность – это не

только «накатанное» существование, повторяющее стереотипные ритуалы, но также и потрясения, разочарования, страсти. Они существуют именно в повседневном мире. Смерть, стыд, страх, любовь, поиск смысла, являясь важнейшими экзистенциальными проблемами, являются также проблемами существования личности. Среди экзистенциалистов наиболее распространен пессимистический взгляд на повседневность.

Так, Ж. П. Сартр выдвинул идею абсолютной свободы и абсолютного одиночества человека среди других людей. Он считает, что именно человек несет ответственность за фундаментальный проект своей жизни. Любая неудача и провал есть следствие свободно выбранного пути, и искать виновных тщетно. Даже если человек оказался на войне, эта война – его, так как он мог вполне избежать ее посредством самоубийства или дезертирства⁴.

А. Камю наделяет повседневную жизнь следующими характеристиками: абсурдность, бессмысленность, неверие в Бога и индивидуальное бессмертие, взваливая при этом колоссальную ответственность на самого человека за его жизнь⁵.

Более оптимистичной точки зрения придерживались Э. Фромм, наделявший жизнь человека безусловным смыслом, А. Швейцер и Х. Ортега-и-Гассет, который писал, что жизнь – это космический альтруизм, она существует как постоянное перемещение от жизненного Я к Другому. Эти философы проповедовали восхищение жизнью и любовь к ней, альтруизм как жизненный принцип, подчеркивая самые светлые стороны человеческой природы. Также Э. Фромм говорит о двух основных способах существования человека – обладании и бытии. Принцип обладания представляет собой установку на овладение материальными предметами, людьми, собственным Я, идеями и привычками. Бытие противопоставляется обладанию и означает подлинную причастность к существующему и воплощение в реальности всех своих способностей.

Реализация принципов бытия и обладания наблюдается на примерах повседневной жизни: беседы, памяти, власти, веры, любви и т. д. Признаками обладания являются косность, стереотипность, поверхностность. К признакам бытия Э. Фромм относит активность, творчество, заинтересованность. Для современного мира

⁴ Сартр, Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / под ред. А. А. Яковлева. – М., 1990.

⁵ Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М., 1990.

более характерна установка на обладание. Это обусловлено существованием частной собственности⁶. Экзистенция не мыслится вне борьбы и страдания, а человек никогда не реализует себя совершенным образом.

Ведущий представитель герменевтики Г. Г. Гадамер большое внимание уделяет жизненному опыту человека. Он считает, что естественным желанием родителей является стремление передать свой опыт детям в надежде уберечь их от собственных ошибок. Однако жизненный опыт – это тот опыт, который человек должен приобретать самостоятельно. Мы постоянно приходим к новому опыту благодаря опровержению старого опыта, потому что это прежде всего болезненный и неприятный опыт, идущий вразрез с нашими ожиданиями. Тем не менее, подлинный опыт подготавливает человека к осознанию собственной ограниченности, то есть пределов человеческого бытия. Убежденность в том, что все можно переделать, что для всего есть время и что все так или иначе повторяется, оказывается просто видимостью. Скорее наоборот: живущий и действующий человек постоянно убеждается в истории на собственном опыте, что ничего не повторяется. Все ожидания и планы конечных существ сами конечны и ограничены. Подлинный опыт есть, таким образом, опыт собственной историчности⁷.

Историко-философский анализ повседневности позволяет сделать следующие выводы, касающиеся разработки проблем повседневности. Во-первых, проблема повседневности поставлена достаточно четко, но огромное количество дефиниций не дает целостного представления о сущности данного явления.

Во-вторых, большинство философов подчеркивают негативные аспекты повседневности. В-третьих, в рамках современной науки и в русле таких дисциплин, как социология, психология, антропология, история и др., проведенные исследования повседневности касаются прежде всего ее прикладных аспектов, в то время как ее сущностное содержание остается вне поля зрения большинства исследователей.

Именно социально-философский подход позволяет систематизировать исторический анализ повседневности, определить ее сущность, системно-структурное содержание и целостность. Отметим сразу, что все основные понятия, раскрывающие повседневность,

⁶ Фромм, Э. *Иметь или быть?* – М., 1986.

⁷ Гадамер, Х. *Истина и метод: основы философской герменевтики*. – М., 1988. – С. 420–421.

ее базовые основания, так или иначе, в той или иной представленности присутствуют в историческом анализе в разрозненных вариантах, в различных терминах. Мы лишь постарались в исторической части рассмотреть существенное, содержательное и целостное бытие повседневности. Не углубляясь в анализ столь сложного образования, каким является понятие жизни, подчеркнем, что обращение именно к нему как к исходному диктуют не только философские направления типа прагматизма, философии жизни, фундаментальной онтологии, но и семантика самих слов повседневности: по всем дням жизни с ее вечными и временными характеристиками.

Можно выделить основные сферы жизни человека: его профессиональный труд, деятельность в рамках быта и сфера отдыха (к сожалению, часто понимаемого только как бездеятельность). Очевидно, что сущностью жизни является движение, деятельность. Именно все особенности социальной и индивидуальной деятельности в диалектической взаимосвязи и определяют сущность повседневности. Но ясно, что темп и характер деятельности, ее результативность, успешность или неуспешность определяются задатками, навыками и главным образом – способностями (повседневность художника, поэта, ученого, музыканта и т. д. существенно различается).

Если деятельность рассматривать как фундаментальный атрибут бытия с точки зрения самодвижения действительности, то в каждом конкретном случае мы будем иметь дело с относительно самостоятельной системой, функционирующей на основе саморегуляции и самоуправления. Но это предполагает, естественно, не только наличие способов деятельности (способностей), но и необходимость источников движения и деятельности. Эти источники чаще всего (и главным образом) детерминированы противоречиями между субъектом и объектом деятельности. Субъект может также выступать в качестве объекта той или иной деятельности. Противоречие это сводится к тому, что субъект стремится овладеть объектом или его частью, в которых он нуждается. Эти противоречия определяются как потребности: потребность отдельного человека, группы людей или общества в целом. Именно потребности в различных измененных, превращенных формах (интересы, мотивы, цели и т. д.) приводят в действие субъект. Самоорганизация и самоуправление деятельностью системы предполагает в качестве необходимого достаточно развитое понимание, осознание, адекватное

знание (то есть наличие сознания и самосознания) и самой деятельности, и способностей, и потребностей, и осознание самого сознания и самосознания. Все это преобразуется в адекватные и определенные цели, организует необходимые средства и дает субъекту возможность предвидеть соответствующие результаты⁸.

Итак, все это позволяет рассматривать повседневность с этих четырех позиций (деятельность, потребность, сознание, способность): определяющую сферу повседневности – профессиональную деятельность; деятельность человека в бытовых условиях; отдых как своеобразную сферу деятельности, в которой свободно, спонтанно, интуитивно за пределами сугубо практических интересов, играючи (на основе игровой деятельности), подвижно соединяются эти четыре элемента.

Можно подвести некоторый итог. Из предшествующего анализа следует, что повседневность необходимо определять, отталкиваясь от понятия жизни, сущность которой (в том числе и повседневности) скрыта в деятельности, а содержание повседневности (по всем дням!) раскрывается в детальном анализе специфики социальной и индивидуальной характеристик выделенных четырех элементов. Целостность повседневности скрыта в гармонизации, с одной стороны, всех ее сфер (профессиональной деятельности, деятельности в быту и отдыхе), а с другой – внутри каждой из сфер на основе своеобразия четырех обозначенных элементов. И, наконец, отметим, что все эти четыре элемента были обозначены, выделены и присутствуют уже в историко-социально-философском анализе. Категория жизни наличествует у представителей философии жизни (М. Монтень, А. Шопенгауэр, В. Дильтей, Э. Гуссерль); понятие «деятельность» присутствует в течениях прагматизма, инструментализма (у Ч. Пирса, У. Джемса, Д. Дьюи); понятие «потребность» доминирует у К. Маркса, З. Фрейда, постмодернистов и т. д.; к понятию «способность» обращаются В. Дильтей, Г. Зиммель, К. Маркс и др. и, наконец, сознание как синтезирующий орган мы находим у К. Маркса, Э. Гуссерля, представителей прагматизма и экзистенциализма.

Таким образом, именно такой подход позволяет определять феномен повседневности как социально-философскую категорию, раскрыть сущность, содержание и целостность этого явления.

⁸ Станкевич, Л. П. Проблемы целостности личности (гносеологический аспект). – М., 1987.